

На правах рукописи

Дьяченко Лиана Инсафовна

**ФЕНОМЕН СТАРОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ И ЛИЧНОСТНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ**

Специальность 09.00.11- социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Казань 2009

Диссертация выполнена на кафедре общей философии философского факультета ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Николаева Евгения Михайловна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Бессонова Людмила Александровна
кандидат философских наук, доцент
Калинина Татьяна Леонидовна

Ведущая организация: Псковский государственный педагогический университет им. С.М.Кирова

Защита состоится 24 декабря 2009 г. в 14.00. на заседании диссертационного совета Д 212.081.16 при Казанском государственном университете им. В.И.Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г.Казань, ул.Кремлевская, д.18, корп.2, ауд._____

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан « 17 » ноября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат философских наук,
доцент

Г.К.Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования Перманентное возрастание доли пожилых и старых людей в численности мирового народонаселения, существенная трансформация их места и роли в обществе под влиянием глобальных процессов современного цивилизационного развития обуславливают необходимость нового осмысления феноменов старости и старения. В современном обществе старость выступает в качестве длительного и значительного этапа индивидуального развития и является одним из важнейших индикаторов направлений изменения социальных, экономических, политических процессов макроструктурного уровня.

С древнейших пор старость символизировала переход на качественно новый, благодатный, социально значимый и престижный этап жизни. Тогда под старостью подразумевалось не только физиологическое, но и духовно-нравственное состояние человека. Старые люди ассоциировались в обществе с элитой, носителями мудрости, были окружены уважением и почетом.

В настоящее время много говорится о неприятии старости, проблеме конфликта поколений. Зачастую термины «старость» и «пожилые люди» несут на себе негативное значение, часто являясь синонимами слов «дряхлый», «угасший», «ущербный», «отживший». Современные старые люди в большинстве своем озабочены своим физическим состоянием, отягощены материальными, бытовыми проблемами.

Такой трансформации в отношении к старости и ее носителям содействует стремительное развитие общества, технический прогресс, который способствует вытеснению старых людей на периферию общественной жизни, а это, в свою очередь, усиливает зависимость пожилых людей от более активных членов общества, затрудняет самореализацию, ускоряет процессы патологического старения. Очень часто «тональность» неприятия старости поддерживают средства масс-медиа, конструируя проблему снижения интеллекта, психической неполноценности, статуса и благосостояния пожилых.

Нравственная система современной цивилизации отдаёт предпочтение молодости, активности, энтузиазму и новаторству как антиподам пассивной, косной, старомодной старости. Престижно быть молодым, преуспевающим, самодостаточным. Очевидно, что такое положение существенным образом отражается на самооценке пожилых, ведет к обеднению духовного мира старого человека, его обесцениванию как личности, а так же формирует соответствующим образом мировоззрение новых поколений. Происходит разрушение традиционных ценностных основ, культура старения и умирания безвозвратно уходит.

Между тем, по мнению ученых, пожилой человек развивает в соответствии со своими интересами, привязанностями и потребностями широкий диапазон различных форм активности: культурной, профессиональной, общественной, художественной, спортивной.

Американский ученый Э.Эриксон,¹ характеризуя старость, использует такие словосочетания: «зрелость ума», «глубокое всеобъемлющее понимание», «обдуманность суждений». Мудрость состоит в принятии собственной жизни целиком, со всеми её взлётами и падениями, в отсутствии горечи по поводу прожитой жизни и невозможности начать её сначала. Старость ни в коем случае не должна быть процессом упадка, она должна стать дальнейшим этапом реализации стремлений человека, удовлетворения его потребности быть значимым и самостоятельным. Идеальное старение требует от человека мудрости, альтруизма. Именно мудрость старших поколений может явиться мощнейшим стимулом и фактором развития общества, способствующим созданию гармоничной структуры социальной действительности.

Степень научной разработанности темы Со времен возникновения древних цивилизаций существуют различные представления по поводу процессов старения и собственно старости. Они образуют содержание геронтологического знания (от греч. «геронт» – старик, «логос» – учение). Во многих исторических исследованиях становление геронтологического знания связывается с именами Конфуция, Лао-Цзы, Гиппократ, Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Ибн-Сины (Авиценны).

Геронтология как наука в ее современном понимании сформировалась лишь к середине XX века. Исторически развитие геронтологии осуществлялось в трех основных направлениях – биологическом (А.А. Богомолец, Л.А. Гаврилов, И.И. Мечников, А.В. Нагорный, И.П. Павлов, И.М. Сеченов, З.Г. Френкель, В.В. Фролькис); психологическом (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Т.В. Карсаевская, О.В. Краснова, Л.А. Логинова, А.Г. Лидерс, Н.Ф. Шахматов и др.); социальном (М.Д. Александрова, В.Д. Альперович, И.Г. Беленькая, А.В. Дмитриев, А.А. Дыскин, М.Э. Елютина, А.А. Козлов, И.С. Кон, О.В. Краснова, И.И. Лихницкая, Г.П. Медведева, А.Н. Рубакин, Н.Н. Сачук, Н.Н. Симонова, М.Я. Сонин, С.Г. Спасибенко, Е.И. Стеженская, Н.А. Рыбакова (Коротчик), К.А. Феофанов, З.Г. Френкель, Э.Е. Чеканова, В.Д. Шапиро, Н.П. Щукина, Р.С. Яцемирская).

Демографическим анализом стареющего общества заняты Е.А. Егорова, Л.Ф. Лебедева. Социально-экономические проблемы старости исследуются такими авторами, как Э.В. Иванкова, Н.И. Кондакова, Т.В. Смирнова, О.В. Терещенко. Социально-политические проблемы, в рамках геронтологии, рассматриваются О.В. Красильниковой, Н.В. Тушиной, Ю.В. Хуторянским.

Отечественными исследователями И.С. Коном, Т.В. Карсаевской и др. было предложено использовать термин «геронтология» для обозначения комплексного знания о старости в единстве всех ее аспектов. В таком понимании современная геронтология – это комплексная наука, включающая в себя биологию старения, биологию продолжительности жизни, клиническую геронтологию (гериатрию), психogerонтологию, социальную геронтологию, биохимию, биофизику, психоаналитику, психофизиологию.

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

Для осмысления геронтологических проблем становится характерным подход с использованием достижений в области социологии, культурологии, психологии, биологии, медицины, демографии, экономики и др. наук.

Стремление геронтологии к комплексному изучению старости вызвано ограниченностью монокаузального, в первую очередь, биологического подхода к определению возраста старости, ее причин и границ. Точно также отмечены односторонностью психологический и социальный подходы в геронтологии, взятые в отдельности, без сопряжения с остальными дискурсами старости.

Отсюда – многообразие определений старости. Так, авторы словаря по социальной геронтологии дают несколько определений этого феномена, каждое из которых обусловлено собственным фокусом рассмотрения. «Старость – заключительный период возрастного развития, следующий после стадии зрелости и сопровождающийся в той или иной мере угасанием жизненных функций. Доминирующим фактором в определении хронологической старости является количество прожитых лет. Физиологическая старость определяется состоянием здоровья, совокупностью физических отклонений организма. Психологическую старость можно определить как момент в жизни человека, когда он сам начинает осознавать себя старым. Социальная старость является синтезом всех видов старости и отражает положение человека в обществе, систему прав и требований, предъявляемых обществом к человеку на заключительном этапе его жизни, характер его взаимосвязи с окружающим»².

Феномен старости издавна привлекал к себе внимание философов. И это вполне естественно: осмысление старости неразрывно связано с такими фундаментальными темами философствования, как бытие и небытие, жизнь и смерть, природа человека, смысл жизни, гуманизм и др.

Философская рефлексия старости прошла длительную историю. Свой вклад в разработку данной проблемы внесли зарубежные и отечественные философы: Ф.Бэкон, И.Кант, А.Шопенгауэр, Ф.Ницше, С.Кьеркегор, А.Камю, К.Ясперс, Ж.П.Сартр, М.Хайдеггер, Х.Ортега-и-Гассет, А.Швейцер, И.А.Ильин, В.В.Розанов, С.Л.Франк, Н.Ф.Федоров, П.А.Сорокин, В.Франкл.

Долгие споры в современной отечественной геронтологии о том, является ли старость философской проблемой, завершились утверждением в научном обиходе нового наименования – геронтософии в качестве философской геронтологии (философии старости).

Философская аналитика старости представлена в работах В.Д.Альперовича, С.В.Геценко, В.П.Демидова, Т.В.Карсаевской, К.С.Пигрова, И.А.Подольской, А.А.Телегина и др. В их трудах предпринимается попытка увязать решение геронтологических проблем с

² Словарь-справочник по социальной геронтологии / Ответственный редактор Б.Г.Тукумцев. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – С. 160-161.

сущностными характеристиками человека, его природой, предназначением в мироздании; соотнести старость с такими понятиями, как духовность, ценности, традиции, мировоззренческая позиция, смысл жизни; дать социально-философское определение старости и сформулировать социально-философские концепции старения.

Вместе с тем можно констатировать, что проблема старости к настоящему времени далека от разрешения средствами более или менее полновесного всеобъемлющего философского дискурса.

Одно из значимых направлений философского осмысления старости связано с анализом ее социально-культурных и личностно-экзистенциальных аспектов. В пионерских публикациях на этот счет М.Э.Елютиной, Э.Е.Чекановой, Н.А.Рыбаковой (Коротчик) старость рассматривается под знаком идеи вселенского назначения человека, индивидуальности его бытия, отношения самого человека к процессу старения, самооценке жизненного пути, осознания того, что удалось и чего не удалось сделать на его протяжении, какое наследство оставит индивид своим потомкам, какую потерю понесет общество с его уходом в небытие.

Социально-культурные и личностные аспекты старости во многом еще ждут своей разработки и решения. В частности, требуют осмысления социально-культурные контексты, опосредующие биологическую старость в современном обществе; нуждаются в систематизации социально-культурные факторы, обуславливающие геронтологическую идентификацию индивида; требуют экспликации основные черты современного социально-культурного топоса старости.

Не менее перспективным представляется вычленение основных моделей старости в качестве способов личностной геронтологической идентификации в современном обществе.

При этом открываются эвристические возможности использования с этой целью теоретико-методологического инструментария некоторых новейших направлений общенаучной методологии, в частности аппарата социальной синергетики.

Цель исследования – выявление социально-культурных контекстов, обуславливающих особенности топоса старости в современном обществе, построение основных моделей личностной геронтологической идентификации и путей их формирования в социуме конца XX – начале XXI вв.

Задачи исследования:

1. Произвести социально-историческую реконструкцию феномена старости и проанализировать эволюцию геронтологического знания.
2. Обосновать роль и значение философского дискурса для осмысления старости как комплексного феномена.
3. Выявить, систематизировать и проанализировать совокупность социально-культурных факторов, опосредующих биологическую старость в современном обществе и обуславливающих место, роль и статус старости в современной культуре.

4. Сформулировать основные черты современного социально-культурного топоса старости (геронтотопоса).

5. Обосновать эвристическую продуктивность использования теоретико-методологического аппарата социальной синергетики, опосредующего философский дискурс феномена старости в аспекте личностной геронтологической идентификации.

6. Вычленить модели старости в качестве способов личностной геронтологической идентификации, дать их социально-философскую характеристику, а также проанализировать процесс формирования этих моделей в свете социальной синергетики.

Объект исследования – старость как комплексный феномен.

Предмет исследования – формы и способы социально-культурного и личностного выражения феномена старости в современном обществе.

Теоретико-методологическая основа исследования включает в себя, во-первых, труды по основным направлениям научной геронтологии, содержащие различные концепции и теории старости (Э.С.Бауэр, А.Комфорт, И.И.Мечников, И.М.Сеченов, З.Г.Френкель); работы, посвященные генезису и исторической эволюции геронтологического знания, а также публикации по философской аналитике старости (В.Д.Альперович, С.Бовуар, И.В.Давыдовский, М.Э.Елютина, В.П.Демидов, Т.В.Карсаевская, И.С.Кон, Н.А.Рыбакова, К.С.Пигров, И.А.Подольская, А.А.Телегин); во-вторых, труды классиков мировой и отечественной философии (Платон, Аристотель, Ф.Бэкон, Вольтер, И.Кант, А.Шопенгауэр, Ф.Ницше, С.Кьеркегор, А.Камю, Х.Ортега-и-Гассет, Э.Фромм, Ж.Бодрийяр, И.А.Ильин, В.В.Розанов), а также работы отечественных исследователей-философов (В.А.Кутырев, В.А.Лекторский, Б.В.Марков, В.С.Степин, И.Т.Фролов, Б.Г.Юдин); в-третьих, труды по методологии социально-философского анализа, включая работы зарубежных и отечественных исследователей в области социальной синергетики (В.И.Аршинов, О.Н.Астафьева, В.Г.Буданов, В.В.Василькова, С.А.Гомаюнов, Г.А.Котельников, Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий, А.П.Назаретян, Е.М.Николаева, Е.Я.Режабек, В.П.Шалаев).

В связи с междисциплинарным характером исследования были вовлечены в оборот знания из области биологических, демографических, экологических, социологических и психологических наук.

В основу методологии исследования положены методы, характерные для социально-философских исследований: системный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, единства исторического и логического, критико-рефлексивный, диалектический. Значительное место отведено применению методов социальной синергетики. В частности, при построении моделей старости автор активно использовал синергетическую теорию аттракторов, концепцию параметров порядка, многие базовые синергетические понятия (открытая система, бифуркационный переход и др.).

Научная новизна:

1. Обоснованы роль и значение философского дискурса для осмысления старости, что позволило выявить комплексный характер данного феномена и необходимость его метапредметного исследования.

2. Выявлены, систематизированы и проанализированы социально-культурные факторы различной природы (демографической, экологической, экономической, социализационной, образовательной, политической, информационной, масс-медийной и психоментальной), опосредующие биологическую старость в современном обществе и обуславливающие место, роль и статус старости в современной культуре. Это позволило сформулировать основные черты современного социально-культурного топоса старости (геронтотопоса).

3. Выявлено, что отличительными чертами современного геронтотопоса является превращение носителей старости в многочисленную часть демоса, усиливающую антропогенное воздействие на экосферу; теряющую возможности гарантированного социального иждивения; поставленную перед необходимостью продолжать свое образование постоянно; вытесняемую из процесса социализации молодежи; подверженную геронтофобным воздействиям извне; находящуюся в агрессивной информационной среде; превращающуюся в серьезную политическую силу.

4. Показано, что философский дискурс феномена старости в аспекте личностной геронтологической идентификации может быть эвристически продуктивно опосредован исследовательскими возможностями социальной синергетики. Это позволило рассмотреть старость как сложный, комплексный феномен, совместить аналитику старости как формы бытия (ставшего) с исследованием механизмов старения (становящегося).

5. Вычленены две модели старости: старость мнимая и старость подлинная – в качестве способов личностной геронтологической идентификации и дана их социально-философская характеристика. В свете социальной синергетики репрезентирован процесс формирования этих моделей с введением в исследовательский оборот новых понятий топоса старости (геронтотопоса), геронтологического аттрактора, геронтологической идентификации.

6. Определено, что продолжение поступательного развития личности в поздние годы жизни обусловлено широтой спектра адаптивных стратегий. Установлено, что более поливариантным набором этих стратегий обладает личность, пребывающая в конусе притяжения геронтологического аттрактора подлинная старость, в личностном становлении которой доминирует глубинное «Я».

Положения, выносимые на защиту:

1. Применительно к старости философский дискурс исходит из неразрывного единства трех ее компонент: 1) естественно-природных факторов, относящихся к жизнедеятельности человека как биологического организма; 2) социально-культурных паттернов, то есть норм, стандартов,

предписаний культуры относительно того, кого считать носителем старости, в чем состоят его отличия от молодого, каковы должны быть особенности поведения старого человека, как к нему должно относиться общество и др.; 3) личностно-психологической идентификации, заключающейся в рефлексии индивидом своего онтогенетического состояния в поисках ответа на вопрос, старый он человек или нет. Единство этих компонент задает конкретно-исторический топос старости, определяет целостную полновесную геронтологическую идентификацию.

2. Система социально-культурных факторов, опосредующих биологическую старость в современном обществе и обуславливающих место, роль и статус старости в современной социокультуре, включает в себя совокупность взаимосвязанных объектов (тенденций, трендов, институтов, феноменов) различной природы – демографической, экологической, экономической, социализационной, образовательной, политической, информационной, масс-медийной и психоментальной. Как и всякие социально-культурные феномены, они изначально творятся людьми, в том числе и старыми, но в дальнейшем объективируются относительно общественных субъектов, оказывая на них самостоятельное влияние.

3. Социально-культурные реалии бытия современных носителей старости составляют условия формирования нового социокультурного геронто-топоса, существенно отличающегося от прежнего топоса старости следующими особенностями. А именно, старые люди превращаются: из малочисленной доли в структуре населения в многочисленную часть демоса; из живущих в гармонии с природно-экологической средой – в усиливающих антропогенное воздействие на экосферу; из объекта на гарантированном иждивении общества и государства – в социальную страту, теряющую возможности иждивения; из не нуждающихся в образовании – в поставленных перед необходимостью продолжать образование постоянно; из включенных в процесс социализации молодого поколения – в вытесняемых и даже полностью исключаемых из этого процесса; из окруженных заботой и уважением, по крайней мере, не презираемых младшими поколениями – в подверженных выраженным геронтофобным воздействиям извне; из пребывавших в более или менее терпимом информационном окружении – в находящихся в агрессивной, чуждой им информационной среде; из составлявших ранее незначительную «обочинную» часть политического электората – в серьезную политическую силу.

4. С методологической точки зрения философский дискурс старости в аспекте личностной геронтологической идентификации может быть опосредован теоретико-методологическим инструментарием социальной синергетики. Это, во-первых, позволяет рассмотреть старость как сложный, комплексный феномен; во-вторых, поскольку в фокусе синергетики находятся процессы становления, становится возможным совмещение аналитики старости как формы бытия (ставшего) с исследованием механизмов старения (становящегося); в-третьих, с точки зрения метафорического заимствования, мировоззренческий потенциал

синергетических понятий позволяет предварительно освоить то проблемное исследовательское поле, в пространстве которого находится феномен старости и которое остается недоступным для четкого анализа с позиций современного типа рациональности.

В этом свете доказывается продуктивность использования для исследования возрастных особенностей личности и специфики старения синергетической теории аттракторов, концепции параметров порядка, а также таких понятий, как нелинейность, бифуркационный переход, открытая система и др.

5. Личностная геронтологическая идентификация результируется в двух противоположных моделях старости: *старости мнимой* и *старости подлинной*, имеющих свой специфический этос.

Подлинная старость определяется способностью человека принять завершающий этап своего жизненного пути как новую культурную реальность, направленную на постепенное завершение, исчерпание задач жизненной экспансии. Это переход к другому типу жизнедеятельности, в иную сферу социальной жизни, связанную с активизацией духовных способностей. Когда наряду с неизбежным физическим регрессом прослеживается прогресс духовный, приходит осознание ценностно-смысловых ориентиров, составляющих этос подлинной старости.

Мнимая старость (старость-симулякр) связана с неприятием старости как новой культурной реальности и себя в ней. Здесь человек продолжает жизненную экспансию, жестко идентифицируя себя со своей телесностью, пытается усовершенствовать ее, чтобы «убежать» от старости. Если подлинная старость представляет собой сбалансированность желаний и возможностей, то мнимая, неудавшаяся старость являет собой их трагический конфликт.

6. Процесс формирования двух противоположных моделей старости определяется, в первую очередь, доминированием того или иного параметра порядка в жизнедеятельности человека. Параметры порядка опосредуют диалектику человеческого «Я», задают векторы движения (притяжения) к одному из геронтологических аттракторов, как конечной цели личностного развития.

Параметром порядка, управляющим движением к геронтологическому аттрактору *мнимая старость* является эмпирическое «Я». Этот параметр порядка задает эмпирически-горизонтальный слой бытия человека, ориентирует его на данные, которые доставляются внешним миром. Предпочтительное внимание уделяется объектам внешнего мира и обладанию ими.

Параметром порядка, управляющим движением к геронтологическому аттрактору *подлинная старость* является глубинное «Я». Этот параметр порядка разворачивает духовный, внутренний слой бытия человека, обращает его к непреходящим, духовным и вечным благам, утверждая их в качестве главных ценностей жизни.

7. Продолжение поступательного развития личности в поздние годы жизни обусловлено широтой спектра адаптивных стратегий. Более поливариантным набором этих стратегий обладает личность, пребывающая в конусе притяжения геронтологического аттрактора *подлинная старость*. Доминирование глубинного «Я» позволяет личности рассматривать жизнь и ее события в разных системах координат, выявлять латентные возможности жизненных ситуаций, воспринимать неожиданность, неопределенность, многозначность обстоятельств жизни как стимул для своего развития. Актуализация потенциальных личностных структур – «набросков» может помочь человеку преодолеть хаотичное кризисное состояние бифуркационного перехода к старости, успешно адаптироваться к новой реальности.

Введенные в исследовательский оборот понятия топоса старости (геронто топоса), геронтологического аттрактора, геронтологической идентификации представляются продуктивными в исследовании старости с позиций социальной синергетики.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Положения и выводы диссертации существенно расширяют теоретическое понимание феномена старости. Результаты, к которым пришел автор в результате исследования, могут быть использованы в педагогической практике в учебных дисциплинах «Геронтология», «Антропология», «Культурология», «Социальная философия». Результаты исследования представляют теоретико-методологическую основу совершенствования деятельности государственных органов и общественных организаций по реализации социальной политики в отношении пожилых и старых людей.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации обсуждены на заседании кафедры общей философии философского факультета Казанского государственного университета. Отдельные аспекты работы нашли отражение в докладах на Международной научно-практической конференции «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа» (Москва, 2009); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной экономики России» (Казань, 2006); III Международной научно-практической конференции «Социально-экономические технологии в повышении потенциала современного общества: российский и зарубежный опыт» (Пенза, 2006); V Международной научно-практической конференции «XX век в истории России: актуальные проблемы» (Пенза, 2009).

По теме диссертации опубликовано 10 научных работ, из них в изданиях, рекомендованных ВАК РФ – 1.

Структура диссертации Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения и списка литературы, включающего 180 источников. Общий объем работы составляет 153 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование актуальности темы исследования, степени ее научной разработанности, определяются цель и задачи исследования, его объект и предмет, отражаются теоретико-методологическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Глава 1 «Старость как комплексный феномен: история и теория» посвящена социально-исторической реконструкции феномена старости, эволюции геронтологического знания, роли и значению философского дискурса старости.

В **1.1. «Старость в социально-исторической ретроспективе»** показывается, что история человечества демонстрирует изменчивое, вплоть до противоположного, отношение к старости и ее носителям в различных эпохах и культурных традициях.

С древнейших пор старость и ее носители наделялись самыми разнообразными характеристиками – от конструктивно-уважительных до деструктивно-пренебрежительных, от естественных до сверхъестественных. Такое многообразие черт старости было обусловлено конкретно-исторической конфигурацией социально-культурных факторов различного происхождения (мировоззренческих, религиозных, экономических, семейно-бытовых и др.), опосредующих бытие пожилых и старых людей в обществе.

Прослежено воздействие этих факторов в основных культурно-исторических эпохах (первобытность, древность, античность, средневековье, возрождение, новое время), религиозных традициях (конфуцианство, даосизм, буддизм, христианство, ислам). Особое внимание уделено истории старости в России.

Показано, что если в донововременных культурах пожилые и старые люди обладали достаточно высоким общественно-культурным статусом, то Новое время – переломный момент в отношении к старости. Символические позиции молодого поколения в гуманистически ориентированной культуре Нового времени становились все сильнее, поскольку молодость – это наиболее деятельный, активный, нацеленный на обновление возраст. Но поскольку процесс модернизации на начальных этапах происходил довольно медленно, постепенно, пожилым людям какое-то время удавалось сохранять авторитет, основанный на опыте, власти, знании.

Однако по мере того, как нарастала скорость модернизации, ментальные установки и образ жизни традиционного общества уходили в прошлое. Почтение людей к носителям старости лишалось своих социально-культурных оснований. Уважение к старости пропадало, чтобы в итоге смениться неприязнью и даже страхом по отношению к ней. Девальвация символической ценности старости привела к тому, что, начиная со второй половины XIX века пожилой человек все чаще начинает восприниматься как враждебная перманентному прогрессу сила.

Показано, что процветание современных государств и сообществ во многом обеспечивается их мобильностью, способностью быстро меняться и

опережать в гонке технических, социальных инноваций своих соперников. Подобную конкурентную борьбу выдерживает молодежь, часть зрелых людей, но не старики. Старость в наши дни, как правило, уже не ассоциируется ни с властью и богатством, ни с успехом и мудростью.

Современное общество отличается от предшествующих цивилизаций культурным пуэрилизмом, проявляющимся в частности в культивировании мнимой серьезности, распространении игровых моделей поведения с весьма запутанными правилами, инфантилизации жизни.

Общая тенденция времени – не оглядываться на прошлое, а смотреть вперед. Конфликт старшего и младшего поколения трансформируется в противопоставлении старого опыта – новому знанию. Можно констатировать, что старости не находится места и в современных семьях, а семья – это общество в миниатюре. Само воспитательное воздействие старшего поколения на молодежь понимается в негативно-нигилистическом, а не в традиционно-положительном смысле. Исключением являются восточные азиатские культуры, в частности культуры Китая, Японии, где старым людям отводят почетную роль патриархов, оказывают большое внимание, создают комфортные условия жизни – в отличие от европейских культур, в которых старость остается предметом во многом формальной заботы государства и общества.

Вместе с тем, автор диссертации солидарен с мнением большинства исследователей, согласно которому в целом не существует убедительных аргументов в пользу широко распространенного взгляда, что в прошлом интересы, потребности старых людей были более удовлетворены, а сами старики имели большую защищенность, чем сейчас. В некоторых аспектах – востребованности обществом, отношении младших поколений – история отмечена тенденцией умаления роли пожилых людей в общественном процессе. Между тем, по целому ряду параметров – средней продолжительности жизни, степени социальной защищенности, масштабу защищенных категорий старых людей – наблюдается очевидный прогресс. «Золотого века» для старости, по-видимому, никогда не было.

В **1.2. «Эволюция геронтологических знаний»** демонстрируется, что в той мере, в какой человек исторически становился предметом саморефлексии, старость как состояние его бытия начинает привлекать внимание ученых, мыслителей. В этом плане можно говорить о зарождении геронтологического знания в широком смысле и его дальнейшей эволюции.

Длительное время – на протяжении античной и средневековой эпохи – геронтология развивалась в донаучной (мифологической, натурфилософской, религиозно-философской) форме. Размышления тогдашних людей о старости отличались, с точки зрения современности, наивностью, отсутствием глубины анализа, но в то же время обладали несомненной практической значимостью.

Каркас геронтологии как науки закладывался научными трудами естествоиспытателей и врачей Возрождения и Нового времени. В этих работах описывались заболевания, присущие людям старшего возраста,

предлагались различные рекомендации по профилактике и преодолению недугов, а так же описывались физиологические и психологические симптомы старости.

На протяжении XX века происходит нарастание естественнонаучного интереса к проблеме старости, которая становится предметом специальных медицинских методик по увеличению срока жизни, предотвращению старения и продления молодости, сохранению функциональной активности человека. В наибольшей степени эта потребность проявилась в последние годы из-за существенного постарения населения экономически развитых и развивающихся стран, т. е. увеличением в его структуре доли пожилых.

В начале XXI в. интенсивность исследования проблем старости резко возросла, появились как новые проблемы, так и новые подходы к решению традиционных геронтологических вопросов. Проблемы старения все больше привлекают внимание ученых самых разных областей знаний. Быстрыми темпами идет институциональное оформление науки геронтологии – возникли геронтологические и гериатрические научные школы и общества, стали проводиться специализированные конференции, выходить периодические издания, всецело посвященные проблеме старения.

Важнейшей проблемой для геронтологии всегда оставалась «первопричина» старости. В работе представлен анализ основных теорий (гипотез) старения: гипотеза ошибок; теория свободных радикалов; теория поперечных сшивок; гипотеза мозговой регуляции; аутоиммунная теория; теория генетически запрограммированного старения (теория заведенных часов). Каждая из них имеет свои достоинства, но среди них нет ни одной абсолютно бесспорной.

Во многом неубедительность теорий старения объясняется тем, что их авторы в качестве причины старения принимают какое-то одно основание. Между тем, большинство ученых все больше сходятся во мнении, что старение – это поликаузальный процесс, обусловленный одновременно несколькими причинами.

В свете этого обстоятельства в исследовании показывается, что с некоторых пор уже в рамках самой геронтологии становилась очевидной недостаточность, ограниченность исключительно монистического, преимущественно естественнонаучного, подхода к постижению старости, согласно которому ее рассмотрение ограничивалось контекстами физического здоровья, пролонгации жизни, достижения бессмертия, т.е. находилось в рамках телесности. Не подлежит сомнению, что исследование феноменов старения и собственно старости невозможно осуществить без обращения к вопросам биологии, основным законам существования человека как природного объекта. В то же время, необходимо отходить от практиковавшейся в науке редукции старости лишь к биопсихическим процессам и игнорирования социальной и духовно-нравственной составляющей феномена старости.

К настоящему времени геронтология обнаруживает тенденцию к комплексному, междисциплинарному постижению старости на основе

достижений в области биологии, медицины, психологии, демографии, социологии, культурологии, экономики и др. наук. Интегративный подход к изучению старости отвечает, в конечном счете, более масштабной задаче – идее создания комплексной науки о человеке на основе интеграции наук, выдвинутой в свое время академиком И.Т.Фроловым.

Делается вывод: от того, насколько геронтология будет продвигаться в обозначенном направлении, во многом зависят успехи в деле теоретического постижения старости, а также эффективность практических аппликаций геронтологических знаний.

В 1.3. «Философское осмысление феномена старости» раскрывается история философской рефлексии старости, обосновываются роль и значение философского дискурса старости как комплексного феномена.

Наряду с развитием конкретно-научных геронтологических знаний формировалась традиция философского осмысления отдельных аспектов феномена старости. И это вполне естественно: осмысление старости неразрывно связано с такими фундаментальными темами философствования, как бытие и небытие, жизнь и смерть, природа человека, смысл жизни, гуманизм и др.

Представленный экскурс в историю философской рефлексии старости с очевидностью демонстрирует, что полноценное познание феномена старости, механизмов старения, разработка методов увеличения продолжительности жизни не только могут, но и должны увязываться с философскими проблемами бытия личности и общества, а фундаментальные философские категории – переплетаться с достижениями естественной науки, открывшей возможность воздействия на человеческую телесность.

Особое внимание уделено в этой связи взглядам представителей экзистенциализма, а также традициям русской философской мысли. Автор обращается к гуманистическим аспектам старости, которые привлекали внимание отечественных философов XX столетия. Отстаивается мысль, что отношение к старости является мерилом гуманистической зрелости общества, поэтому необходимо создавать условия для воспитания и формирования гуманистически ориентированной, в том числе в отношении старости и старых людей, личности. Подчеркивается необходимость критики геронтофобных и эйджистских воззрений.

Показывается, что значение философского дискурса старости аналогично значению других, узко специализированных по предмету, видов философской рефлексии (философия права, философия хозяйства, философия образования, философия языка и т.п.). В отличие от позитивного знания конкретных наук, изучающих данные предметы (геронтология, правоведение, экономика, педагогика, филология и т.п.) как бы изнутри, в пределах их самодостаточности, он предоставляет исследователю возможность выйти за границы этих предметов и посмотреть на них как бы извне, в соотношении с бытием феноменов иного предметного содержания – в частности, в связи с обществом, культурой, духовностью, формами общественного сознания, социальной коммуникации и т.д.

Философский дискурс старости призван вычленять такие аспекты, которые не поддаются строго научному анализу точных и естественных наук, но, тем не менее, являются логически обоснованными и жизненно необходимыми. Подчеркивается, что дефиниция старости через некий онтогенетический период, измеряемый возрастом, является весьма ограниченной. Она нуждается в обязательном дополнении определением старости с социально-философских позиций.

Такое по-философски широкомасштабное, метапредметное видение старости образует общеметодологическое основание, отталкиваясь от которого, частные геронтологические дисциплины могут корректно интегрировать свои исследовательские усилия по изучению феномена старости.

Показывается, что в нашей стране философская аналитика старости, именуемая с некоторых пор геронтософией – философией старости, еще находится на стадии становления. Между тем, в настоящее время, особенно очевидна актуальность философского поворота к осмыслению феномена старости.

Глава 2 «Социально-культурные контексты и модели старости в современном обществе» обращена к социально-культурным контекстам, опосредующим биологическую старость в современном обществе, с целью систематизации социально-культурных факторов, обуславливающих современный топос старости, и экспликации основных черт этого геронтопопоса. Предпринята попытка вычленения основных моделей старости, обеспечивающих личностную геронтологическую идентификацию, на основе использования эвристических возможностей одного из новейших направлений социально-гуманитарной методологии – социальной синергетики.

2.1. «Старость в системе современных социально-культурных реалий» посвящен выявлению, систематизации и анализу социально-культурных факторов, обуславливающих формирование современного геронтопопоса.

Обращение к социально-культурным контекстам старости обнаружило, что система социально-культурных факторов, опосредующих биологическую старость в современном обществе и обуславливающих место, роль и статус старости в современной социокультуре, включает в себя совокупность взаимосвязанных объектов (тенденций, трендов, институтов, феноменов) различной природы – демографической, экологической, экономической, социализационной, образовательной, политической, информационной, масс-медийной и психоментальной природы. Как и всякие социально-культурные феномены, они изначально творятся людьми, в том числе и старыми, но в дальнейшем объективируются относительно общественных субъектов, оказывая на них самостоятельное влияние.

Представлен детальный анализ указанных факторов, в результате которого делается вывод, что социально-культурные реалии бытия современных носителей старости составляют условия формирования нового

социокультурного геронтопопса, существенно отличающегося от прежнего топса старости следующими особенностями. А именно, старые люди превращаются: из малочисленной доли в структуре населения в многочисленную часть демоса; из живущих в гармонии с природно-экологической средой – в усиливающих антропогенное воздействие на экосферу; из объекта на гарантированном иждивении общества и государства – в социальную страту, теряющую возможности иждивения; из не нуждающихся в образовании – в поставленных перед необходимостью продолжать образование постоянно; из включенных в процесс социализации молодого поколения – в вытесняемых и даже полностью исключаемых из этого процесса; из окруженных заботой и уважением, по крайней мере, не презираемых младшими поколениями – в подверженных выраженным геронтофобным воздействиям извне; из пребывавших в более или менее терпимом информационном окружении – в находящихся в агрессивной, чуждой им информационной среде; из составлявших незначительную «обочинную» часть политического электората – в значительную политическую силу.

Общество и государство не могут не реагировать на складывающийся новый топос старости. Эта реакция не должна сводиться к двум крайностям: либо к абстрактным призывам к сохранению уходящих в прошлое былых идеалов старости, либо к «зряшному» объективизму по типу «история все сама расставит по своим местам». Государственное и общественное реагирование должно быть нацелено на создание условий для оптимального – с точки зрения интересов, как старого человека, так и самого социума – развития нового геронтопопса.

В 2.2. «Эвристический потенциал социальной синергетики в исследовании феномена старости» обращается внимание на то, что большинство исследователей социально-культурных аспектов старости методологически ориентируются на использование традиционных инструментов социально-гуманитарного познания, порожденных в основном классическим типом научной рациональности XX – начала XXI века.

В этой связи делается предположение, что становление в настоящее время новых, неизвестных по опыту прошлого, условий старения и форм социального поведения стареющего человека может и должно стать предметом исследовательской деятельности, основанной на новых, порожденных наукой XX – начала XXI столетия концептуальных подходах и методах.

Наиболее адекватным в этом отношении представляется методологический инструментарий синергетики. Предмет синергетики – процессы становления новых свойств и качеств; явления самоорганизации и нелинейные эффекты в сложноорганизованных, открытых, далеких от равновесия системах и хаотических средах.

Отмечено, что непосредственные предпосылки синергетической интерпретации социальных процессов исходят от основоположников современной общей теории самоорганизации И.Пригожина и Г.Хакена, а

оригинальные идеи, служащие методологической и теоретической основой в осмыслении синергетичности социальных процессов, содержатся в трудах В.Вайдлиха, К.Майнцера, Э.Янча, В.Эбелинга, Э.Ласло и других исследователей, разрабатывавших различные аспекты социально-синергетического направления в западной науке.

Социально-синергетический инструментарий выступает опосредующим звеном философского дискурса старости в аспекте личностной геронтологической идентификации. Во-первых, методологический аппарат синергетики позволяет рассмотреть старость как сложный, комплексный феномен; во-вторых, поскольку в фокусе синергетики находятся процессы становления, становится возможным совмещение аналитики старости как формы бытия (ставшего) с исследованием механизмов старения (становящегося); в-третьих, с точки зрения метафорического заимствования, мировоззренческий потенциал синергетических понятий позволяет предварительно освоить то проблемное исследовательское поле, в пространстве которого находится феномен старости и которое остается недоступным для четкого анализа с позиций современного типа рациональности.

Показано, что обоснование перспектив применения принципов синергетики в исследовании возрастных особенностей личности, специфики старения и первые разработки в этом направлении уже осуществлялись зарубежными и отечественными исследователями.

В частности, проблематика социальной синергетики присутствует в работе одного из основоположников теоретической биологии Э.С.Бауэра «Теоретическая биология»; исследованиях группы ученых Российского университета дружбы народов Т.Ю.Зотовой, А.К.Зотова, В.А.Фролова; творчестве американского философа М.Эпштейна, который, используя теорию фракталов, выдвигает идею фрактального устройства человеческой жизни, ее многократной делимости; в исследовании «Старость как культурно-исторический феномен» Н.А.Рыбаковой (Коротчик), связывающей прогрессирование процессов старения с нарастанием в организме состояния хаоса.

Показано, что в контексте предпринятого исследования представляется продуктивным использование таких синергетических понятий, как нелинейность, бифуркационный переход, концепции параметров порядка, а также теории аттракторов. Приводятся и анализируются определения указанных понятий, обосновываются возможности их аппликации к сфере социально-гуманитарного познания.

В 2.3. «Личностная геронтологическая идентификация: модели старости в дискурсе социальной синергетики» предпринимается попытка вычленения и анализа на социально-синергетической основе современных моделей старости как способов геронтологической идентификации личности в единстве биологических, социально-культурных и психоментальных аспектов ее бытия, а также выявления и характеристики способов формирования этих моделей.

Геронтологическая идентификация личности результируется в двух противоположных моделях старости: *старости мнимой* и *старости подлинной*, каждая из которых обладает своим специфическим этосом.

Подлинная старость определяется способностью человека принять завершающий этап своего жизненного пути как новую культурную реальность, направленную на постепенное завершение, исчерпание задач жизненной экспансии. Это переход к другому типу жизнедеятельности, где главным становится не активное вбирание в себя нового, а сохранение, удержание в себе старого, его структурирование и передача другим поколениям.

Мнимая старость (старость-симулякр) связана с неприятием старости как новой культурной реальности и себя в ней. Здесь человек продолжает прежнюю жизненную экспансию, жестко идентифицируя себя со своей телесностью, пытается усовершенствовать ее, чтобы «убежать» от старости. Если подлинная старость представляет собой сбалансированность желаний и возможностей, то мнимая, неудавшаяся старость являет собой их трагический конфликт.

Процесс формирования двух противоположных моделей старости определяется, в первую очередь, доминированием того или иного параметра порядка в жизнедеятельности человека. Параметры порядка опосредуют диалектику человеческого «Я», задают векторы движения (притяжения) к одному из геронтологических аттракторов, как конечной цели личностного развития.

Параметром порядка, управляющим движением к геронтологическому аттрактору – *мнимая старость*, является эмпирическое «Я». Этот параметр порядка задает эмпирически-горизонтальный слой бытия человека, ориентирует его на данные, которые доставляются внешним миром. Предпочтительное внимание уделяется объектам внешнего мира и обладанию ими. Такой человек жестко сцеплен со своим телом и своим социальным окружением, он не способен вовремя, на этапах молодости и зрелости, дистанцироваться от повседневности, обособиться в собственном сознании. Поэтому старость для него представляется всегда чем-то внешним, пришлым (не его и не от него), что указывает на неготовность индивида к неизбежным серьезным телесным, психологическим и социальным трансформациям.

Сознание мнимого старика, утратив себя прежнего – бодрого телом, востребованного в социальном окружении и профессиональной деятельности – оказывается беззащитным, неадаптированным перед лицом новых реалий, когда все чаще подводит телесность, а некогда исключительные способности, навыки не выдерживают конкуренции со способностями более молодых, компетентных и энергичных современников.

Мнимая старость лишает человека, пребывавшего большую часть жизни в эмпирическом слое бытия, осмысленности его существования. Для сознания, «сросшегося» с телесным функционированием, основу которого составляют плотские удовольствия и духовный консюмеризм, не

испытавшего внутренней потребности в метаудовольствиях и духовном производстве, старость кладет предел всяческому смыслу.

Параметром порядка, управляющим движением к геронтологическому аттрактору *подлинная старость*, является глубинное «Я». Этот параметр порядка разворачивает духовный, внутренний слой бытия человека, обращает его к непреходящим, духовным и вечным благам, утверждая их в качестве главных ценностей жизни.

Принять свой жизненный путь таким, каким он был, – вот задача пожилого возраста. Это значит принять себя в своем новом возрасте, выстроить свое поведение, опираясь на преимущества старости, главным из которых является способность целостного восприятия мира. Подлинная старость отличается направленностью личности на активную работу со своим глубинным «Я». Причем эта направленность формируется задолго до наступления пожилого возраста, еще в молодые и зрелые годы. В этом случае старость становится носителем благодатных плодов, поскольку она оценивает опыт прожитых лет с высоты смирения, оставленных страстей и близкого дыхания вечности.

Поступательное развитие личности в поздние годы, построение нового жизненного уклада, нахождение новых путей включения в общественные связи обусловлены широтой спектра адаптивных стратегий. Более поливариантным набором этих стратегий обладает личность, пребывающая в конусе притяжения геронтологического аттрактора *подлинная старость*. Доминирование глубинного «Я» позволяет личности рассматривать жизнь и ее события в разных системах координат, выявлять латентные возможности жизненных ситуаций, воспринимать неожиданность, неопределенность, многозначность обстоятельств жизни как стимул для своего развития. Актуализация потенциальных личностных структур-«набросков» может помочь человеку преодолеть хаотичное кризисное состояние бифуркационного перехода к старости, успешно адаптироваться к новой реальности.

Старость – это, несомненно, кризис сознания. Но, если для настоящих стариков этот кризис носит содержательно-метафизический характер, когда сознание способно к новообразованиям, когда оно может выбирать дальнейшие пути, отказываться от чего-либо, работать в поисках себя иного, то для мнимого старика – это переживание трагической несправедливости настоящего, переставшего быть понятным, ужас от ожидания предстоящего финала.

Так происходит оттого, что в предшествующие старости жизненные периоды человек обычно не задумывался о каких-либо смыслах, выходящих за имеющийся обыденный распорядок жизни, за ее простые и доступные для понимания значимости. Пока человек здоров, деятелен, он успешно функционирует как биологическая и социальная единица, органично вписывается в повседневное эмпирическое целое. Как только случаются сбои на психосоматическом или социальном уровнях, он перестает соответствовать нормам функционирующего целого, становится

неконкурентоспособным и выпадает из той единственной реальности, с которой ранее себя ассоциировал.

Выделенные в исследовании модели старости – «старость подлинная» и «старость мнимая» – в чистом виде не существуют, в реальности они достаточно сильно переплетены и взаимосвязаны. Конкретная конфигурация элементов этих моделей предопределяется, в конечном счете, индивидуальным выбором каждого человека. Тем не менее, эти идеализированные модели дают возможность лучшего понимания человека, находящегося в завершающем периоде жизни, формируют общее представление о «пространствах» его выбора, возможностях его самоопределения.

В заключении в краткой форме излагается суть авторского замысла, приводятся основные результаты, полученные диссертантом, и подводятся итоги диссертационного исследования.

Основное содержание диссертации отражено в **следующих публикациях:**

В изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. **Дьяченко Л.И.** Некоторые аспекты сущности геронтологии в контексте социально-философского анализа / Л.И. Дьяченко // Вестник ВятГГУ. 2009. – №3(4). – Киров: Изд-во ВятГГУ, Т.4. – С. 21-24.

В других изданиях:

2. **Дьяченко Л.И.** Теоретические и методологические аспекты проблемы самореализации, самосовершенствования личности / Л.И. Дьяченко // Проблемы самореализации, самосовершенствования личности: психолого-педагогические аспекты: Материалы первой Всероссийской научно-практической конференции. – Набережные Челны: Изд-во НГПИ, 2003. – С. 118-119.

3. **Дьяченко Л.И.** Некоторые аспекты проблемы формирования социальных ценностей россиян / Л.И. Дьяченко, Е.В. Шамова // Актуальные проблемы современной экономики России: Международная научно-практическая конференция: Сб. материалов. – Казань: Изд-во НПК «РОСТ», 2006. – С. 71-72.

4. **Дьяченко Л.И.** Философские проблемы формирования массового сознания / Л.И. Дьяченко // Социально-экономические технологии в повышении потенциала современного общества: российский и зарубежный опыт: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГСХА, 2006. – С. 22-25.

5. **Дьяченко Л.И.** Проблема духовной реализации пожилых людей в современном обществе / Л.И. Дьяченко // Власть, общество, личность: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГСХА, 2007. – С. 89-91.

6. **Дьяченко Л.И.** Образ старости с философской точки зрения / Л.И. Дьяченко // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: «Грамота», 2008. №6 (13): Исторические науки, философские науки,

искусствоведение, культурология и методика их преподавания: В 2-х ч. Ч.1. – С. 80.

7. **Дьяченко Л.И.** Пожилые люди – проблемы и перспективы / Л.И. Дьяченко // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: «Грамота», 2009. №1(20): Исторические науки, философские науки, искусствоведение, культурология и методика их преподавания: В 2-х ч. Ч.1. – С. 72-73.

8. **Дьяченко Л.И.** Некоторые аспекты проблемы развития представлений о старости / Л.И. Дьяченко // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: «Грамота», 2009. №1(20): Исторические науки, философские науки, искусствоведение, культурология и методика их преподавания: В 2-х ч. Ч.2. – С. 67-69.

9. **Дьяченко Л.И.** Философский аспект проблемы телесной организации в контексте геронтологии / Л.И. Дьяченко // Международная научно-практическая конференция «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа». 28-29 апреля 2009. тезисы докладов. – М.: Параллели, 2009. – С. 29-30.

10. **Дьяченко Л.И.** Старость в контексте социально-философского анализа / Л.И. Дьяченко // XX век в истории России: актуальные проблемы: V Международная научно-практическая конференция. – Пенза: РИО ПГСХА, 2009. – С. 104-106.

Подписано в печать 5.11.2009
Формат 60х84 1/16
Бумага
Тираж 100 экз.
Типография